

Опыт изучения среднего класса в мире и в России

А.С. Моисеев

кандидат психологических наук, преподаватель кафедры организационной и экономической психологии факультета государственного и муниципального управления Московского городского психолого-педагогического университета, Москва

В статье рассматриваются проблемы выделения и изучения такой социальной группы, как средний класс. На основе зарубежных публикаций обсуждается история изучения категории «средний класс» в социологии и социальной психологии. Анализируются критерии выделения этой социальной группы, представляются эмпирические данные о ее численности в Европе, Северной Америке, на Ближнем Востоке, в Азии. На основе современных публикаций проводится анализ особенностей представителей среднего класса. Делаются выводы о его численности и динамике за рубежом и в России.

Ключевые слова: средний класс; «новый» средний класс; «старый» средний класс; критерии отнесения к среднему классу; российский средний класс.

Средний класс на Западе. В США массовый средний класс в его близком к современному пониманию возник раньше, чем в других странах. Его возникновение обычно датируется первой половиной XIX века. Один из исследователей американского среднего класса С. Блюмин приводит более точный временной интервал — 1830-е годы. Свидетельством возникновения среднего класса в этот период было единство социально-экономического статуса, паттернов расселения, культуры работы, самоидентификации и мировоззрения работников нефизического труда в США [17]. К формирующемуся в тот период американскому среднему классу можно было отнести такие профессиональные группы, как ремесленники, мелкие буржуа, а также «белые воротнички». Арчер и Блау выделили факторы, способствовавшие формированию классовой идентичности среднего класса у представителей выше-

описанных групп. Среди них — изменение в структуре занятости, развитие малого бизнеса, формирование единого образа жизни, поселенческая концентрация среднего класса [14].

Возникновение массового среднего класса связано с переходом к постиндустриальному обществу, который привёл к значительному расширению слоёв населения, которые нельзя было отнести ни к бедным, ни к богатым. Рост производства потребовал большего числа высококвалифицированных работников и экспертов. Вследствие укрупнения производства и возникновения акционерных обществ стала востребованной новая категория работников — менеджеры. Развитие социальной инфраструктуры, систем образования и здравоохранения повлияло на увеличение численности профессиональных групп учителей и врачей. В обществе появилась новая массовая категория населения, которую

в дополнение к ремесленникам, торговцам и другим представителям «мелкой буржуазии» начали обозначать термином «средний класс» [11].

В 30 годах XX века в США изменилась модель государственной социально-экономической политики: её приоритеты сместились от помощи бедным к поддержке среднего класса. Средний класс способен обеспечить экономику работниками с высококачественным человеческим капиталом, за счёт увеличивающегося спроса на товары и услуги стимулировать общий рост экономики [там же].

М. Хальбвакс исследовал европейский средний класс того периода. В 1939 году он относил к французскому среднему классу, главным образом, группы ремесленников, чиновников и служащих. В этот состав включались работники здравоохранения, представители литературной среды, мелкие предприниматели и т. п. [12].

Во второй половине XX века численность среднего класса в Европе росла бурными темпами и сравнялась с рабочим классом, а затем опередила его. В итоге возникли две точки зрения на классовую структуру того общества: первая говорила о резком расширении и доминировании среднего класса в обществах зрелого индустриализма, а вторая свидетельствовала о смещении границ рабочего класса и вхождении в его состав служащих и значительной части техников и инженеров в качестве автономных слоёв [11].

С 1950-х годов произошла постепенная смена концепции единого среднего класса на концепцию «старого» и «нового» средних классов. Критерий разделения между ними — наличие собственности на средства производства для «старо-

го» среднего класса и значительного человеческого капитала — для «нового» [там же].

С 1980-х годов всё больше исследователей стали обращать внимание на гетерогенность среднего класса. Были приняты попытки выделения его подгрупп. Например, М. Севедж выделил три подгруппы среднего класса, различающихся типами располагаемых ресурсов: 1) предпринимателей (обладающих экономическими активами); 2) менеджеров (административными активами); 3) профессионалов (обладающих культурными активами) [24]. Выделение подгрупп среднего класса нашло отражение в отечественных исследованиях. В частности, выделяются подгруппы «нижнего», «среднего» и «верхнего» среднего класса [4]. Они могут различаться не только по объективным, но и по субъективным критериям выделения. Например, в нашей работе критерием разделения послужила субъективная оценка социально-экономического статуса респондентов [6].

В 1980-х годах была выявлена тенденция сокращения численности среднего класса при быстром росте верхней и нижней страт. Она отражала переход общества от индустриального к постиндустриальному типу. Эта тенденция была проиллюстрирована С. Прессманом в своём исследовании. Для сравнительного анализа численности среднего класса в разных странах им был использован метод LIS («Люксембургское исследование доходов»). Представители среднего класса, согласно этому методу, определялись по объективному критерию — уровню доходов на семью, который должен составлять от 75 до 125 % от медианного значения этого показателя.

С. Прессманом было сделано пять срезов, демонстрирующих численность среднего класса в 1980, 1985, 1990, 1995 и 2000 годах (таблица). Им были проанализированы данные по странам: Канада, Германия, Израиль, Нидерланды, Норвегия, Тайвань, Испания, Швеция, Швейцария, Великобритания, США. По всем, за исключением Швеции и США, наблюдается рост численности среднего класса в период с 1980 по 1985 год. Пик его численности для большинства стран приходится на 1990 год, однако в 2000 году сокращается, за исключением Канады и Норвегии, где прирост за эти же годы составил 4,0 и 4,9 % соответственно. Остальные страны продемонстрировали снижение численности среднего класса: в Швеции она в 2000 году по сравнению с 1980 годом упала на 7,1, в Великобритании и Тайване — на 4,5 %. С. Прессман отмечает, что рост численности среднего класса в Канаде и Норвегии произошёл за счёт нисходящей вертикальной мобильности. Он доказывает этот факт тем, что доля «верхнего» класса в этих странах за период с 1980 по 2000 год снизилась на 1,9 и 2,9 % соответственно. Кроме того, автор приводит данные, согласно которым влияние социально-демографических факторов на снижение численности среднего класса не прослеживается. В то же время основным фактором, влияющим на численность среднего класса, является налоговая политика государств, способствующая более медленному сокращению численности среднего класса [23].

Данные других авторов подтверждают тенденцию снижения численности среднего класса в развитых странах. Эйзенхауэр считает, что средний класс в США в 2004 году составлял 81,7 % населения.

При этом его численность с 1989 года снизилась на 2,8 %. Автор отмечает, что тенденция к такому снижению наблюдается во всех исследовательских срезах: в 1989, 1992, 1995, 1998, 2011 и 2004 годах. Эйзенхауэр использует экономический подход для выделения среднего класса. Он приводит сумму в 19 307 \$ в год на семью из четырёх человек как «порог бедности» для населения США в 2004 году. Если доход превышает ее, семью можно относить к среднему классу [19].

С нашей точки зрения, сокращение численности среднего класса в развитых странах может быть связано с определёнными социально-психологическими характеристиками. Прежде всего, влияние на изменение социальной структуры оказывает *атомизация* групповых и индивидуальных субъектов. Она проявляется в отчуждённости от общества, направленности жизнедеятельности на личные интересы. Таким образом, социальная идентичность субъекта отходит на второй, а то и на третий план. Принадлежность к той или иной социальной группе становится менее ценной. На первый план выходят ценности творческой самореализации, поиска смысла жизни и получения удовольствия. Таким образом, люди перестают обращать внимание, каким социальным нормам они соответствуют, к какой социальной стра-те могут себя отнести. На развитие данного феномена косвенно оказывают влияние широкие социальные обязательства стран западных демократий, где каждый гражданин вне зависимости от своего социального положения может рассчитывать на достойную материальную помощь со стороны государства, которая позволяет обеспечить сравнительно высокое качество жизни любому (в

том числе неработающему) гражданину. Стоит отметить, что данный феномен не в меньшей, а даже в большей степени характерен для современной России, где социальная активность никогда не была предметом явного (а не декларируемого!) общественного поощрения.

Ещё одним проявлением атомизации является феномен *дауншифтинга*. Он заключается в сознательном снижении своего социального и экономического статуса с целью поиска и реализации смысложизненных ориентаций. Как правило, он выражается в эмиграции в страны с тёплым морским климатом или миграции в провинциальные районы своей страны. Причиной дауншифтинга является отказ от урбанистических ценностей, желание самореализоваться как личности без патологического давления жёстких социальных норм городской среды.

Эти социально-психологические феномены приводят к тому, что некоторая доля успешных людей перестают соответствовать критериям отнесения к среднему классу, сосредоточиваясь не на сохранении и увеличении своего социального статуса, а на других приоритетах.

Средний класс в развивающихся странах. В настоящее время проходят многочисленные исследования среднего класса в разных странах. Например, исследователи прогнозируют рост численности среднего класса в Индии с 5 % в 2007 году до более чем 40 % в 2025 году. При этом нижняя подгруппа индийского среднего класса достигнет пика своей численности в 2020, а верхняя будет расти и после 2020 года. В Китае нижняя подгруппа среднего класса составляет около 44 % городского населения, а к

2025 году более половины городского населения будут составлять представители верхней подгруппы среднего класса [10]. Следует отметить, что китайскому среднему классу уделено большое внимание не только с социологической, но и с политологической точки зрения. Ряд учёных исследуют представления китайского среднего класса о международных делах и внешней политике. Например, Джонстон продемонстрировал, что средний класс показывает больший уровень либерализма, чем более бедные группы в Китае [21].

Ряд учёных предпринимают попытки провести сравнительные исследования представителей среднего класса в развивающихся странах. Например, Банерджи и Буфло выделяют две группы домохозяйств: первая с ежедневными расходами на душу населения 2—4 \$ и вторая между 6 \$ и 10 \$. Эти группы они называют средним классом. На основании данных обзора по образцам потребления и инвестиций среднего класса в тринадцати развивающихся странах исследователи ищут различия в глобальном среднем классе, особенно по сравнению с глобальными бедными (определёнными как те, чье суточное потребление на душу населения ниже 2 \$ в день), в частности, есть ли различия в денежных тратах, заработках и воспитании детей. Они пишут, что «ничто так хорошо не характеризует средний класс, как наличие стабильной высокооплачиваемой работы» [15]. С их точки зрения, характеристика стабильности заработка является основной для представителей среднего класса, которые начинают свой бизнес, чтобы спастись от бедности, и закрывают его сразу же, как подворачивается хорошая наёмная работа. Банерджи и Буфло от-

мечают особенности среднего класса, например, представители этой группы имеют меньше детей и большее внимание уделяют их образованию и здравоохранению. При этом дети для представителей среднего класса — их надежда на будущее, так как в себя они вкладывают значительно меньше ресурсов, чем в своих детей [там же].

Средний класс в России. В России средний класс только формируется, критерии его выделения ещё до конца не сформулированы, хотя и обозначены некоторые параметры определения этой группы населения: социально-демографическая характеристика (уровень дохода, сфера деятельности, занимаемая должность, иногда профессия, социальный статус, текущее потребление, возраст); особый образ жизни; ориентация на увеличение дохода (деньги как мерило успеха) или на самореализацию (в случае когда имеется необходимый для этого доход) [1, с. 142].

По результатам американского исследователя Х. Балзера в советское время в состав среднего класса следовало включать высокопоставленных партийных функционеров, управляющих в сфере экономики, учёных, официально признанных деятелей культуры, «сторублёвую» интеллигенцию (цит. по: [3, с. 14—15]). Также исследователь считает, что, с одной стороны, средний класс может выступить как противовес олигархии и опора демократии, но с другой — как основа авторитаризма; что предотвращение модели авторитаризма зависит от активности общественных сил, отождествляемых со средним классом. Таким образом, Балзер подходит к изучению российского среднего класса с ментальной, психологической и практи-

ко-поведенческой позиции (цит. по: [3, с. 15]).

Большинство отечественных исследователей считают, что изучение «советского» среднего класса — это отдельная и трудная задача, так как тот период российской истории характеризовался обшеством другого типа, отличающегося от настоящего. Вместе с тем, советские учёные конца 80-х — начала 90-х годов XX века предпринимали попытку изучения среднего класса. Е.Н. Стариков оценивал численность среднего класса в 13 % населения (по критериям уровня дохода, наличия благоустроенного жилища, легкового автомобиля и набора домашней бытовой техники) [9], Ф.М. Наумова относила к нему 20—30 % населения [7], а А. Кустырев — большинство [5].

В работе Г.Г. Дилигенского средний класс выделяется на основе субъективного критерия. Центральным понятием, позволяющим определить и дифференцировать эту категорию, является понятие идентичности. Идентичность среднего класса — комплекс представлений индивидов о социальной реальности и их места в ней, которые регулируют жизненную активность и специфичны именно для данной страты (отличают от других страт) [3, с. 58]. Проблема идентичности разных социальных групп актуальна и на Западе. Исследованию формирования групповой идентичности посвящена работа Дженнифера. Он считает, что ключевым механизмом формирования групповой идентичности является социальный конфликт [22]. Несмотря на то что исследование Дженнифера выполнено на тему мультирасовой идентичности, можно предположить, что сходные механизмы формирования будут характерны и для классовой иден-

тичности. Таким образом, субъектные свойства российского среднего класса могут сформироваться как осознанная классовая идентичность в период социального кризиса, когда социальные конфликты становятся неизбежными. Тем более что ряд исследователей отмечают социетальный эффект феномена идентичности [20], формирование которого начинается ещё в детстве [16].

Обобщая опыт исследования российского среднего класса, Н.Е. Тихонова и С.В. Мареева делают вывод, что вследствие разницы в используемых подходах одни авторы (М.К. Горшков, Т.М. Малеева и др.) говорят о бесспорном наличии в России массового среднего класса, хотя и расходятся в оценках его численности. Другие (Л.А. Беляева, Т.И. Заславская и др.), приступившие к анализу проблематики российского среднего класса ещё в 1990-х годы, рассматривают его как становящийся социальный субъект и говорят о наличии скорее средних слоёв, «протосреднего класса», выступающего базой формирования собственно среднего класса. При этом характерно, что представители этого направления, которые продолжали эмпирические исследования среднего класса, признают факт его значительного расширения в течение последних лет (Е.М. Авраамова и др.). Третьи авторы (например, О.И. Шкаратан) считают бессмысленным рассматривать средний класс, поскольку, по их мнению, в России среднего класса как массового социального субъекта не только нет, но при сложившемся типе общества и не может существовать, и сосредоточиваются на анализе отдельных его подгрупп (прежде всего профессионалов, а также информационных работников) [13]. Четвёртые (на-

пример, В.В. Радаев) просто отрицают наличие среднего класса как реального социального субъекта, признавая его существование лишь в качестве «мифа», выполняющего важные социальные функции [8].

Социально-психологические характеристики современного российского среднего класса. С нашей точки зрения, средний класс в России бесспорно существует, и численность его довольно велика. Его субъектные свойства только формируются, в условиях стабилизации российского общества становятся латентными. Стоит отметить, что численность среднего класса при этом растёт. В кризисных условиях она сокращается, однако субъектные свойства среднего класса становятся локомотивом преодоления кризиса для всего общества. Это видно на примере конца 1998 — начала 1999 года, когда в условиях социально-политического и экономического кризиса именно ресурсы представителей среднего класса обеспечили возможности мощного рывка российской экономики начала 2000-х. При повторении подобных сценариев в будущем роль среднего класса в разрешении экономических и, как следствие, социальных и политических кризисов в российском обществе будет возрастать. При этом возложение слишком больших надежд на «пассионарность» среднего класса справедливо приводит к его мифологизации, что, в свою очередь, отражается на поляризации научных и политических представлений о нем.

В наши работы мы опираемся на подход Центра комплексных социальных исследований Института социологии РАН под руководством Н.Е. Тихоновой (см.: [2; 10; 11]). С нашей точки зре-

ния, здесь предпринята самая успешная попытка всестороннего социологического изучения среднего класса. В исследованиях ИС РАН в качестве критериев отнесения к среднему классу используются характеристики:

1) образования (наличие как минимум среднего специального образования);

2) социально-профессионального статуса (нефизический характер труда или предпринимательская деятельность);

3) более высокого уровня благосостояния, чем средний для региона проживания респондентов (т. е. показатели среднемесячных душевых доходов не ниже их медианных значений в данном регионе);

4) показателей теста интегральной самооценки человеком своего положения в обществе по десятибалльной шкале, позволяющего учесть особенности самоидентификаций респондентов [10, с. 9—10].

Обратимся к выводам о численности среднего класса в России согласно данным ИС РАН. Выделенный на основе описанных выше критериев средний класс составлял в марте 2008 года треть всего взрослого населения страны и около 40% экономически активного городского населения. Впрочем, экономический кризис 2008—2009 годов заметно сказался на этих показателях. В феврале 2009-го общая численность среднего класса составляла 26 % всего населения и 33 % экономически активного городского населения [там же, с. 93—94].

Опираясь на исследования российского среднего класса, в частности, на разработки Центра комплексных социальных исследований Института социологии РАН, мы можем сделать некоторые выводы об особенностях сознания

современного среднего класса в России [10]. Его представителей отличает особое отношение к себе и к жизни. Основные социально-психологические характеристики:

- готовность и потребность его представителей в саморазвитии, позволяющие стремиться не только наращивать свой человеческий капитал, но и активно осваивать инновационные практики, иметь присущие только им модели активного досуга;

- повышенная роль в их системе ценностей ценности свободы вообще и индивидуальной свободы в частности;

- наличие ярковыраженных достигательных мотиваций, реализующихся в соответствующих моделях поведения;

- повышенное (по сравнению с представителями других групп) чувство личной ответственности за свою судьбу;

- присущие большинству его представителей неконформистские ориентации как сознательная установка во взаимоотношениях с окружающими;

- большая роль в мотивации экономической рациональности, проявляющейся не столько в стремлении к максимизации доходов любой ценой, сколько в большей ориентированности на сбережение и инвестирование, чем на рост потребления, пропорциональный росту текущих доходов.

Для среднего класса характерна большая удовлетворённость жизнью, обусловленная как более высоким уровнем материального благосостояния, так и характерным для него ощущением собственной успешности и восходящей социальной мобильности. Средний класс отличает наличие достигательных мотиваций и особая роль всего, что связано с профессиональной деятельностью, — от

специфики идентичностей до особой роли и функций работы в и жизни. Для его представителей работа является не только важнейшей стороной их жизни, но и основной сферой реализации. Подобное отношение к работе они стараются привить своим детям.

Российский средний класс довольно глубоко интегрирован в интернет-сообщество и обладает спецификой досуговой активности, которая ориентирована как на «культурный досуг», так и на досуг активный, разнообразный, включающий большое число внедомашних форм его проведения. Из этого следует, что средний класс демонстрирует последовательное следование нормам городской культуры, модели досугового поведения свидетельствуют о формировании специфических коллективных норм в этой сфере.

В числе идентичностей среднего класса стоит отметить профессию, род занятий, достижения и успехи человека. Наблюдается смена идентичности с интеллигенцией на идентичность со средним классом и слабая распространенность

идентификаций с наёмными работниками. Массовая идентичность со средним классом пока отсутствует, однако ощущение «срединности» своего социального статуса выражено совершенно отчётливо. Средний класс ощущает себя носителем и выразителем русской культуры не только в её национальной, но и в её европейской ипостаси — как части европейского культурного пространства в целом.

Таким образом, представителей среднего класса отличает особый образ жизни, система ценностей, отношение к различным видам социальной активности, обществу и своему месту в нем, т. е. особая социальная позиция как результат социального самоопределения. Отдельной проблемой является изучение социальной активности представителей российского среднего класса. В западной психологии социальная активность понимается узко — как ведение активного образа жизни — и изучается, главным образом, клиническими психологами в условиях социальной реабилитации лиц, имеющих те или иные заболевания [18].

Таблица

Динамика численности среднего класса во второй половине XX века в западных странах (в процентном соотношении от общего числа домовладений)

Страна	Срез # 1 (%)	Срез #2 (%)	Срез # 3 (%)	Срез #4	Срез #5 (%)	Изменения от 1-го к 5-му срезу
Канада	33.0	35.1	36.3	35.8	37.0	4.0
Германия	41.5	43.1	51.4	43.9	42.6	1.1
Израиль	28.6	31.1	32.1	28.7	27.9	-0.7
Нидерланды	41.0	43.4	39.0	38.7	39.7	-1.3
Норвегия	41.4	44.2	45.7	45.3	46.3	4.9
Тайвань	41.1	42.1	39.9	39.0	36.6	-4.5
Испания	35.5	-	37.7	35.8	33.35	-3.2
Швеция	54.0	48.6	47.8	52.7	46.9	-7.1
Швейцария	36.9	-	37.9	-	37.8	1.5
Англия	36.5	38.2	29.6	32.6	32.0	-4.5
Соединенные Штаты Америки	31.7	29.3	29.7	27.3	29.3	-2.4

ЛИТЕРАТУРА

1. Богомолова Н.Н., Донцов А.И., Фоломеева Т.В. Психология больших социальных групп: новые судьбы, новые подходы // Социальная психология в современном мире / Под ред. Г.М. Андреевой, А.И. Донцова. М., 2002.
2. Горюнова С.В. Методологические проблемы выделения среднего класса в российском обществе // Сб. ст. аспирантов-2008 / Науч. ред. К.А. Букин. М.: ГУ ВШЭ, 2008.
3. Дилигенский Г.Г. Люди среднего класса. М., 2002.
4. Емельянова Т.П. Конструирование социальных представлений в условиях трансформации российского общества. М., 2006.
5. Кустырев А. Начало русской революции: версия Макса Вебера // Вопросы философии. 1990. № 8.
6. Мусеев А.С. Различия социального самоопределения подгрупп среднего класса // Вестник университета (Государственный университет управления). 2010. № 17.
7. Наумова Ф.М. Переходный период: мировой опыт и наши проблемы // Коммунист. 1990. № 8.
8. Радаев В. Формирование мифа о среднем классе в посткоммунистической России // Средний класс в России. Проблемы и перспективы. М., 1998.
9. Стариков Е.Н. «Угрожает» ли нам появление среднего класса? // Знамя. 1990. № 10.
10. Тихонова Н.Е., Мареева С.В. Средний класс: теория и реальность. М.: Альфа-М, 2009.
11. Тихонова Н.Е. Критерии выделения и определение численности среднего класса в современном российском обществе // Городской средний класс в современной России. Аналитический доклад ИС РАН. М., 2007.
12. Хальбвакс М. Характеристики средних классов (1939) // М. Хальбвакс. Социальные классы и морфология. М.: Институт экспериментальной социологии, 2000.
13. Шкаратан О.И., Иняевский С.А., Любимова Т.С. Новый средний класс и информационные работники на российском рынке труда // Общественные науки и современность. 2008. № 1.
14. Archer M., Blau J. Class Formation in Nineteenth-Century America: The Case of the Middle Class // Annual Review of Sociology. 1993. Vol. 19. P. 17–41.
15. Banerjee Abhijit V., Duflo Esther. What Is Middle Class about the Middle Classes around the World? [Что такое средний класс в мировом масштабе?] [Электронный ресурс] // The Journal of Economic Perspectives. 2008. Vol. 22. Iss. 2. P. 3–28. URL: <http://search.proquest.com/docview/212109917/fulltextPDF/131603BE30756FCFAF8/1?accountid=35419>.
16. Bennett M. Children and social identity [Дети и социальная идентичность] [Электронный ресурс] // Psychologist. 2004. Vol. 17. Iss. 9. Sep. URL: <http://proquest.umi.com/pqdweb?index=3&did=704176341&SrchMode=1&sid=8&Fmt=6&VInst=PROD&VType=PQD&RQT=309&VName=PQD&TS=1311070969&clientId=85413>.
17. Blumin S.M. The emergence of the middle class: social experience in the american city, 1760–1900. New York: Cambridge University Press, 1989.

18. *Boosman H.* Social activity contributes independently to life satisfaction three years post stroke [Социальная активность независимо способствует удовлетворённости жизнью через три года после инсульта] [Электронный ресурс] / H. Boosman, V.P.M. Schepers, M.W.M. Post, J.M.A. Visser-Meily // *Clinical Rehabilitation*. 2011. Vol. 25. P. 460—467. URL: <http://proquest.umi.com/pqdweb?index=9&did=2337994721&SrchMode=1&sid=5&Fmt=6&VInst=PROD&VType=PQD&RQT=309&VName=PQD&TS=1311069934&clientId=85413>.
19. *Eisenhauer J.G.* An Economic Definition of the Middle Class. [Экономическое определение среднего класса] [Электронный ресурс] // *Forum for Social Economics*. 2008. Vol. 37. Iss. 2. Aug. P. 103—113. URL: <http://search.proquest.com/docview/211499780/fulltextPDF/131603BE30756FCFAF8/3?accountid=35419>
20. *Finn G.* Comparative visions and social identities [Сравнительное видение и социальная идентичность] [Электронный ресурс] // *Psychologist*. 1999. Vol. 12. Iss. 3. Mar. URL: <http://proquest.umi.com/pqdweb?index=4&did=39648089&SrchMode=1&sid=8&Fmt=6&VInst=PROD&VType=PQD&RQT=309&VName=PQD&TS=1311070969&clientId=85413>.
21. *Johnston A.I.* Chinese middle class attitudes towards international affairs: Nascent liberalization? [Отношение китайского среднего класса к международным вопросам: возникающая либерализация?] [Электронный ресурс] // *The China Quarterly*. 2004. № 179. Sep. P. 603—628. URL: <http://search.proquest.com/docview/229505762/fulltextPDF/131603BE30756FCFAF8/6?accountid=35419>.
22. *Jones J.A.* Who are we? Producing group identity through everyday practices of conflict and discourse [Кто мы? Формирование групповой идентичности через ежедневные практики конфликта] [Электронный ресурс] // *Sociological Perspectives*. 2011. Vol. 54. Iss. 2. P. 139—161. URL: <http://proquest.umi.com/pqdweb?index=2&did=2376327291&SrchMode=1&sid=8&Fmt=6&VInst=PROD&VType=PQD&RQT=309&VName=PQD&TS=1311070788&clientId=85413>.
23. *Pressman S.* The decline of the middle class: an international perspective [Упадок среднего класса: международная перспектива] [Электронный ресурс] // *Journal of economic*. 2007. Vol. 41. Iss. 1. Mar. P. 181—200. URL: <http://search.proquest.com/docview/208853645/fulltextPDF/131603BE30756FCFAF8/7?accountid=35419>
24. *Savage M.* Property, Bureaucracy and Culture: Middle class Formation in Contemporary Britain / M. Savage et al. L.; N.Y.: Routledge, 1992.

Experience of middle-class study in the world and in Russia

A.S. Moiseev

Ph.D in psychology, lecturer at the chair of organizational and economical psychology, at the department of state and municipal management of Moscow State University of Psychology and Education, Moscow

The article is concerned with the problem of how to single out and study the middle class as a social group. The reviewed publications set up the ground for discussion, concerning the history of «middle class» studies in sociology and social psychology. The article analyzes criteria for singling this group out and presents empirical data concerning middle class population in Europe, North America, Middle East and Asia. On the ground of contemporary publications the analysis of qualities of «middle class» representatives is carried out. The review makes the conclusion about the middle class population and dynamics both in Russia and abroad.

Keywords: middle class; «new» middle class; «old» middle class; criteria of attribution to middle class; Russian middle class.

REFERENCES

1. *Bogomolova N.N., Doncov A.I., Folomeeva T.V.* Psihologija bol'shih social'nyh grupp: novye sud'by, novye podhody // Social'naja psihologija v sovremennom mire / Pod red. G.M. Andreevoj, A.I. Doncova. M., 2002.
2. *Gorjunova S.V.* Metodologicheskie problemy vydelenija srednego klassa v rossijskom obshestve // Sb. st. aspirantov-2008 / Nauch. red. K.A. Bukin. M.: GU VShE, 2008.
3. *Diligenskij G.G.* Ljudi srednego klassa. M., 2002.
4. *Emel'janova T.P.* Konstruirovanie social'nyh predstavlenij v uslovijah transformacii rossijskogo obshestva. M., 2006.
5. *Kustjrev A.* Nachalo russoj revoljucii: versija Maksa Vebera // Voprosy filosofii. 1990. № 8.
6. *Moiseev A.S.* Razlichija social'nogo samoopredelenija podgrupp srednego klassa // Vestnik universiteta (Gosudarstvennyj universitet upravlenija). 2010. № 17.
7. *Naumova F.M.* Perehodnyj period: mirovoj opyt i nashi problemy // Kommunist. 1990. № 8.
8. *Radaev V.* Formirovanie mifa o srednem klasse v postkommunisticheskoj Rossii // Srednij klass v Rossii. Problemy i perspektivy. M., 1998.
9. *Starikov E.N.* «Ugrozhaet» li nam pojavlenie srednego klassa? // Znamja. 1990. № 10.
10. *Tihonova N.E., Mareeva S.V.* Srednij klass: teorija i real'nost'. M.: Al'fa-M, 2009.
11. *Tihonova N.E.* Kriterii vydelenija i opredelenie chislennosti srednego klassa v sovremennom rossijskom obshestve // Gorodskoj srednij klass v sovremennoj Rossii. Analiticheskij doklad IS RAN. M., 2007.
12. *Hal'bvaks M.* Harakteristiki srednih klassov (1939) // M. Hal'bvaks. Social'nye klassy i morfologija. M.: Institut eksperimental'noj sociologii, 2000.
13. *Shkaratan O.I., Injasevskij S.A., Ljubimova T.S.* Novyj srednij klass i informacionnye rabotniki na rossijskom rynke truda // Obwestvennye nauki i sovremennost'. 2008. № 1.

14. *Archer M., Blau J.* Class Formation in Nineteenth-Century America: The Case of the Middle Class // Annual Review of Sociology. 1993. Vol. 19. P. 17—41.
15. *Banerjee Abhijit V., Duflo Esther.* What Is Middle Class about the Middle Classes around the World? [Что такое средний класс в мировом масштабе?] [Электронный ресурс] // The Journal of Economic Perspectives. 2008. Vol. 22. Iss. 2. P. 3—28. URL: <http://search.proquest.com/docview/212109917/fulltextPDF/131603BE30756FCFAF8/1?accountid=35419>.
16. *Bennett M.* Children and social identity [Дети и социальная идентичность] [Электронный ресурс] // Psychologist. 2004. Vol. 17. Iss. 9. Sep. URL: <http://proquest.umi.com/pqdweb?index=3&did=704176341&SrchMode=1&sid=8&Fmt=6&VInst=PROD&VType=PQD&RQT=309&VName=PQD&TS=1311070969&clientId=85413>.
17. *Blumin S.M.* The emergence of the middle class: social experience in the American city, 1760—1900. New York: Cambridge University Press, 1989.
18. *Boosman H.* Social activity contributes independently to life satisfaction three years post stroke [Социальная активность независимо способствует удовлетворённости жизнью через три года после инсульта] [Электронный ресурс] / H. Boosman, V.P.M. Schepers, M.W.M. Post, J.M.A. Visser-Meily // Clinical Rehabilitation. 2011. Vol. 25. P. 460—467. URL: <http://proquest.umi.com/pqdweb?index=9&did=2337994721&SrchMode=1&sid=5&Fmt=6&VInst=PROD&VType=PQD&RQT=309&VName=PQD&TS=1311069934&clientId=85413>.
19. *Eisenhauer J.G.* An Economic Definition of the Middle Class. [Экономическое определение среднего класса] [Электронный ресурс] // Forum for Social Economics. 2008. Vol. 37. Iss. 2. Aug. P. 103—113. URL: <http://search.proquest.com/docview/211499780/fulltextPDF/131603BE30756FCFAF8/3?accountid=35419>
20. *Finn G.* Comparative visions and social identities [Сравнительное видение и социальная идентичность] [Электронный ресурс] // Psychologist. 1999. Vol. 12. Iss. 3. Mar. URL: <http://proquest.umi.com/pqdweb?index=4&did=39648089&SrchMode=1&sid=8&Fmt=6&VInst=PROD&VType=PQD&RQT=309&VName=PQD&TS=1311070969&clientId=85413>.
21. *Johnston A.I.* Chinese middle class attitudes towards international affairs: Nascent liberalization? [Отношение китайского среднего класса к международным вопросам: возникающая либерализация?] [Электронный ресурс] // The China Quarterly. 2004. № 179. Sep. P. 603—628. URL: <http://search.proquest.com/docview/229505762/fulltextPDF/131603BE30756FCFAF8/6?accountid=35419>.
22. *Jones J.A.* Who are we? Producing group identity through everyday practices of conflict and discourse [Кто мы? Формирование групповой идентичности через ежедневные практики конфликта] [Электронный ресурс] // Sociological Perspectives. 2011. Vol. 54. Iss. 2. P. 139—161. URL: <http://proquest.umi.com/pqdweb?index=2&did=2376327291&SrchMode=1&sid=8&Fmt=6&VInst=PROD&VType=PQD&RQT=309&VName=PQD&TS=1311070788&clientId=85413>.
23. *Pressman S.* The decline of the middle class: an international perspective [Упадок среднего класса: международная перспектива] [Электронный ресурс] // Journal of Economic. 2007. Vol. 41. Iss. 1. Mar. P. 181—200. URL: <http://search.proquest.com/docview/208853645/fulltextPDF/131603BE30756FCFAF8/7?accountid=35419>
24. *Savage M.* Property, Bureaucracy and Culture: Middle class Formation in Contemporary Britain / M. Savage et al. L.; N.Y.: Routledge, 1992.